

Буров А.С. 1998: Приап и его восприятие в римском обществе (по Carmina Priapea)
// Проблемы истории, филологии, культуры. V, 95-101.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский
и образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

52. Требование избегать прожигария в определенной местности за пределами Аттики нельзя не найти ни в одном из известных нам остраконов. Остракон Каллексена Агорского (M.Lang, Agora XXV no. 356) выражает в законе остракизма только законное желание, чтобы названная персона могла бы отправиться в ссылку, и представляет собой усиление вотума: Καλλι[ι]χ]σεινος / 'Αριστο[το]νόμο[υ]οι. Сравн. также повеление: Θεμιστοκλή[ς] Νεοκλέ[ος] ἴτο (Agora XXV no. 1184B. 1191B. 1199B. 1200B).

THE RESIDENCE OF OSTRACIZED (Arist. Ath. pol. 22,8) AND THE OSTRAKON AGAINST MEGAKLES

Loretana de Libero

The residence requirement on the Athenian ostracized in the crisis of 481/80 B.C. was meant to confine the exiles within certain boundaries in the vicinity of Attica and Athens. This law enabled the Athenian Demos to benefit from the invaluable political and military know-how of the exiled aristocrats in case of emergency. The limitation on residence has further to be seen in connection with the recall of the ostracized. There is no need to question the much debated sound passage of the Aristotelian 'Athenaion politeia' ἐντὸς Γεραιστοῦ καὶ Σκυλλαίου in favour of an emended Philochoros. Later — the Persian threat being over — without any punishment, as it seems, for Themistokles lived in Argos and Hyperbolos on Samos, surely places outside the landmarks Geraistos and Skyllaion. A graffito on a recently published ostrakon against the Alkmaionid Megakles, which told the aristocrat not to go to Eretria, might support this view.

А. С. БУРОВ (Ярославль)

ПРИАП И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по Carmina Priarea)

Нельзя сказать, что Приап — одно из самых популярных народных божеств в эпоху античности — слишком избалован вниманием исследователей, особенно отечественных¹. Поэтому рассмотрение его восприятия древними и особенностей культа на материале такого источника, как Carmina Priarea, кажется нам своевременным и вполне уместным.

Приап становится известен не ранее VII века до н.э. (Гомеру и Гесиоду он незнаком): уже Страбон воспринимал Приапа как относительно поздно появившееся божество (*Strabo*. XI. 1, 12). Античная традиция считает его сыном Диониса либо от Афродиты (*Paus.* IX. 31, 2), либо от нимфы (*Strabo*. XI. 1, 12). По одной из версий «первым» его отцом являлся Адонис (*Schol. Apoll. Rhod.* I. 932). Кроме того, существовало мнение, что Приап был рожден Афродитой от Зевса (*Suida*. s.v.). Отличительным признаком Приапа служило физическое уродство — наличие двух фаллосов. Приап, скорее всего, выделился из окружения Диониса: Афиной вообще считал его первоначально тождественным Дионису (*Athen.* I. 30). Более распространено представление о раннем Приапе как о демоне, аналогичном аттическим Орфане, Конисале, Тихону и другим (*Strabo*. XI. 1, 12; *Diod.* IV. 6. 1 sqq.)². Приап уже изначально являлся итифаллическим божеством (*ιτιφάλλος* — распутник; участник фаллических шествий), в истоке культа которого лежало представление о синонимичности полового влечения и жизненного начала.³

Роль первоначально весьма скромного божества возрастает в V веке до н.э. благодаря особенностям жанра аттической комедии, которая, будучи гротескным отражением реальности, старалась повсюду выставить на передний план половую жизнь, преимущественно в форме сугубо чувственной любви. Под воздействием этого искажения юный Эрот уступает место грубому божеству, в качестве которого и выступает Приап⁴. Тем самым последний превращается в олицетворение полового влечения в самой животной форме⁵; его священными животными считаются наделенные особой детородной силой осел (*Ovid. Fast. I. 391*) и гусь (*Petron. 136–137*)⁶. В эпоху эллинизма культ Приапа распространился по всему Восточному Средиземноморью. «Популярность» Приапа возросла — он стал частым персонажем эпиграмм (*Ant. Pal. V. 200 sqq; X. 1*), в честь него слагались гимны, а его изображения появились даже на монетах⁷.

В Рим культ Приапа проник достаточно поздно (*Prudent. Contra Symm. I. 102 sqq.*). Пожалуй, одним из первых познакомил с ним римскую публику Гней Невий (ок. 270–201 гг. до н.э.), написавший, судя по сообщению Авла Геллия (II. 19), комедию «Triphallus»⁸ — вероятно, в подражание аттическим образцам: до нас дошли сведения о несохранившихся комедиях Ксенарха (*Πρίαπος* — *CAF. II. 472*) и Аристофана (*Τριφάλλης* — *CAF. I. 528 sqq.*). Именно в римский период культ Приапа достиг наивысшего расцвета: ему поклонялись как божеству плодородия, чувственной любви, занятий сомнительного свойства, морской торговли и т.д. Его почитали во всем Средиземноморье, особенно в местностях, где разводили коз и овец, а также пчел (*Pausan. IX. 31, 2*), наиболее же значительными культовыми центрами Приапа были, скорее всего, Троада (города Лампсак и Приап) (*Ovid. Fast. I. 391; VI. 345; Strabo. XI. 1, 12; Priap. LIV. 6*) и Орнеи близ Коринфа (*Strabo. VII. 6, 24*). Почти во всех таинствах его приветствовали «грубым смехом и шутками» (*Diod. IV. 6, 4*). Собственно в Италии Приапа включили в круг римских богов плодородия (Помоны, Сильвана и др.).

В эллинистическую эпоху появился особый вид литературных произведений — так называемые «Priarea» — сборники посвященных Приапу гимнов, написанных особым «приаповым размером» (*Πρίαπειον μέτρον* — состоящий из гликоней и ферекратия). Страбон сообщил, что автором одного из таких сборников был александрийский грамматик III века до н.э. Евфроний (*Strabo. VII. 6, 24*). До нас под именем Priarea или *Carmina Priarea* в кодексах XIV и XV веков дошел сборник латинских стихотворений, написанных преимущественно ямбами и одиннадцатисложным гендеказиллабом. Они сильно отличаются по объему (от 2 до 45 (LXXXII) строк), однако преимущественно невелики и по жанру близки к эпиграмме⁹. Эти стихи принадлежат разным поэтам, в число которых принято включать Катутла, Тибулла и Овидия¹⁰, однако отождествление отдельных стихов с конкретными авторами вызывает серьезные затруднения. Предполагают, что большинство стихотворений написано в период второй трети I века до н.э. — начала I века н.э. Таким образом, отраженные в данном сборнике реалии могут служить важным источником для реконструкции нравов и некоторых аспектов культурно-бытовой жизни римского общества в эпоху крушения республики и установления режима принципата.

Принято считать, что «*Carmina Priarea*» носят весьма фривольный характер. Действительно, многие стихотворения даже по меркам достаточно терпимого в сексуальном отношении античного общества трудно считать просто эротичными, но, с другой стороны, им обычно не свойственен и чрезмерный натурализм, так что определенно причислить их к порнографии также нельзя. Их скорее можно отнести к категории грубых непристойных (похабных) произведений малого жанра, свойственных почти каждой культуре (вспомним об отечественном народном фольклоре — «заветных» сказках и матерных частушках, а также «творениях» И.С.Баркова и его подражателей).

В самом тексте «Приапей» сущность этих стихов отражена вполне ясно: они «написаны не для книги и без особого труда» (*non libello scripsi non nimium*

laboriose — II. 2–3), «полны не слишком пристойных шуток». (non nimium casti carmina plena ioci — XLIX.3), это «непристойные стишки, которые противно читать» (turpest vos legere inprudica verba — VIII. 2), «вирши наихудшего поэта» (carmina pessimi poetae — LXI. 13), которые «нацарапаны на досуге на стенах храма¹¹ (Приапа)» (quid otiosus templi parietibus tui notavi — II. 9–10). Однако стоит отметить, что некоторые из «Приапей» абсолютно лишены непристойного характера: к таким можно отнести посвященные Приапу как чисто сельскому божеству стихи XLII, LIII, LIX–LXII, LXXXI, LXXXIII, а также содержащий перечень богов стих LXXVI.

По количеству непристойностей и разнообразию обсценной лексики с «Приапями» не может сравниться даже «Сатирикон» Петрония. Так, в этом небольшом сборнике мы встречаем 31 обозначение фаллоса¹² Интересно, что наряду с «техническими терминами» (mentula, penis, fascinus, verba, mutinus, membrum seminale) употребляются метафоры. Наиболее оригинальными кажутся costa septima — «седьмое ребро» (VI. 6) и pes sonans — «поющая нога» (можно перевести как «хвастливый (фаллос) длиной в фут» — LXXXII. 41). Отметим также достаточно обильное использование слов из военного лексикона — тот же фаллос обозначается как «копье» (contus XI. 3; hasta — XLIV. 4, LXXXIV.17), «дротик» (telum — IX.14, LV.4), «горн» (cornu — XXXII. 14), «эфес» (capulus — XXV. 7) и просто «оружие» (arma — XXXI.3)¹³ Самым распространенным названием мужского полового органа в «Приапях» является слово mentula, которое встречается 15 раз. Для обозначения женских половых органов используется 9 терминов, а половой акт (в различных формах) описывается с помощью 8 глаголов¹⁴

Центральное место в «Приапях» занимает собственно Приап. В данном сборнике ему отводится роль сельского божества, функцией которого является, как предполагается из контекста, защита садов и огородов (custos hortorum), однако эта его роль является как бы фоном для прочих сюжетных линий. Своеобразно отношение к Приапу как к божеству: крайне редки положительные отзвы (Priape noster — L. 6; sancte — LXXXI. 3), более характерны определения вроде «вялый праздный бог» (lentus deus ignavis — LXXX. 3–4), высшее предназначение которого (ultimum numen) — «слыть деревянным сторожем тыква» (cucurbitorum ligneus vocor custos — LXIII. 11–12), это — «одно из ничтожных сельских божеств» (pusilla ... guris numina — XIV. 7), в лучшем случае — «младшее божество» (dive minor — LIII. 5). В избытке представлены непристойные эпитеты: если Приап бог, то похотливый (deus salax — XIV. 1; XXXIV. 1). Не лучше он характеризуется и как сторож (stator libidinosus — LII. 3). Приап бесстыж (nude Priape — XVI. 8), ужасен (terribilem — XX. 6) и неутомонен (perennis — XLVI. 6). Это старый похабник (senior canis — LXXXII. 1) с вечно напряженным фаллосом (quid sis fuscino gravior tento — LXXIX. 1), внимающий своим просителям «отбросив стыд» (posito pudore — XXIX. 3). Вообще, Приап является олицетворением похоти (hac tentigine, quam videtis in me — XXIII. 4).

Основным атрибутом Приапа является, разумеется, его окрашенный в красный цвет (rubricato mutino — LXXII. 2) большой фаллос (parte tui maiore, Priape — XXX. 1). Их может быть и два — результат физического уродства вследствие зачатия от двух отцов (отсюда и берет происхождение эпитет Triphallus — третьим выступом считалась голова — LXXXII. 9). Это — его основное «оружие», дающее ему силу (hoc mihi si telum desit, inermis ero — XIV. 14). Кроме того, у него есть предметы сельскохозяйственного инвентаря — серп (falx) и цеп (fustis) (XI. 1–2. etc.)

В данном сборнике мы встречаемся с изображениями Приапа, стоящими в садах и огородах, их описание согласуется с прочими данными античной традиции. Садовый Приап изготовлен из дерева (sim ligneus — VI. 1; ср. *Hor. Sat.* I. 8, 1) и выкрашен в красный цвет (ruber hortorum custos — I. 5; ср. *Hor. Sat.* I. 8, 5; *Ovid. Fast.* I. 400; 415). Кроме того, его голову мог венчать камышовый веник,

так что Приап служил и пугалом для птиц (*Hor. Sat. I. 8, 6*). В «Приапеях» особо подчеркивается неказистость этих изображений: обычны выражения типа «обходчик обтесал корявое полено» (*lignum rude vilicus dolavit — X. 4*) или «грубо выструган из шершавого полена крестьянскими руками» (*e rudi fuste manus sine arte rusticae dolaverunt — LXIII. 9 — 10*). Отметим, что само слово *rusticus* используется в довольно ироничном смысле, что вообще было характерно для латинской литературы начиная с I века до н.э.¹⁵ В целом, эти изображения представляли собой не очень эстетичное зрелище — «из пирамиды торчит похотливая жила» (*libidinoso tenta pyramis nervo — LVIII. 14*). Внешний вид, даже по словам самого Приапа, был непритязателен — *me pulcra fateor carere forma, verum mentula luculenta nostrast (XXXIX. 5–6)*.

В тексте «Приапей» есть несколько упоминаний о храмах Приапа. Это не городские святилища указанного божества, внешний вид и убогий инвентарь которых в общих чертах описал Петроний (сар. 133–137), но более скромные сельские. Выделяются два типа подобных сооружений: более крупные *templum*, имевший стены (*parietes — II. 10*), покрытые штукатуркой, на которой посетители писали стихи (*circu tectoria nostra — XLIX. 1*), а также скромные храмики (*sacellum — XIV. 1–2*). Рачительные хозяева следили, чтобы они «не зарастали травой, терном и ежевикой» (*ut herbae verpesque aut rubus a meo sint remota sacello — LXXXV. 7–8*). Можно предположить, что в одном месте (*templa, Priape, dico — LXXXI. 2*) речь идет о неких священных участках Приапа.

Прослеживается несколько сюжетных линий «Приапей». Одним из основных является мотив охраны садов и наказания Приапом пойманных воров, который присутствует в 26 из 85 стихов. Пожалуй, именно в них наиболее полно отражен постулат Аристофана *τήν σκαφήν σκαφήν λέγεσθαι*. Основной принцип наказания лаконично изложен в стихе LIX, напоминающем надпись на воротах:

Praedictum tibi ne negare possis:

Si fur veneris, inpudicus exis.

Тебе не следует пренебрегать предупреждением:

Если войдешь вором, то выйдешь обесчещенным.

Для вора (*fur*) предусматривалось три степени наказания: пойманный впервые подвергался процедуре *raedicare*, застигнутого повторно надлежало *igumare*, а схваченный в третий раз был обречен одновременно претерпеть обе санкции: *quod si tertia furta molieris pedicaberis ingumaberisque (XXXV. 3–5)*. Кроме того, наказание могло варьироваться по половозрастному принципу — различным образом карались провинившиеся мужчины, женщины и дети (XXII):

Femina si furtum faciet mihi virve puerve,

Naes cunnum, caput hic, praebeat ille nates.

Однако сам Приап, похоже, отдавал предпочтение взрослым мужчинам (*barbatus non nisi summa petet — LXXV. 2*; ср. XXVIII; LIX). Вообще, в стихах нередки гомосексуальные мотивы, а Приап предстает покровителем педерастов (V; VII; XXXVIII; LXV; LIV; LXXXII)¹⁶. Интересно, что он обвиняет воров в том, что те приходят в сад лишь в надежде на последующее *raedicare* (*convolutis ad roenam — LI. 27*), и может из вредности их «не заметить» (*furetur licet usque: non videbo — LXIV. 3*). Еще одним видом наказания было лишение вора детородной силы — Приап грозил «иссушить ему конечности» (*tibi brachia macra dabo — LXXIII. 2*).

Следующим мотивом «Приапей» являются обращения посетителей к Приапу с просьбами оказать какую-либо услугу. Это, в первую очередь, обращения как к сельскохозяйственному божеству: земледельцы просят о сохранении и умножении урожая, приплоде скота и защите их владений. Подношения просителей скромны — *quamvis pauca damus (LIII. 2*; ср. *Verg. Ecl. VII. 33*). Это обычно немудреные украшения и местные плоды (*vegetacula roma — XXI. 3*; XVI. 7), которые могли варьироваться в зависимости от времен года: «на меня, украшенного цветами, поначалу весной надевают красивый венок, затем — нежный зреющий колос, золотистые фиалки, молочный мак, зеленые тыквы, приятно

